

искусства и др.). Определить структуру ритма древнерусской прозы, — пишет А. Н. Робинсон, — означает по существу раскрыть систему всех видов повторений в ней. Система эта не может найти такого же строго схематического выражения, какое представляет собой метрика в стихосложении, потому что в основе этой системы лежат не фонетические, а синтаксические явления. Они проявляются в относительной простоте конструкций, в некоторой тенденции к однотипности расположения в них членов предложения, в тяготении к семантически обусловленному накопчиванию и симметричному размещению более или менее единообразных периодов». ¹¹

Приведенные высказывания разрозненны и имеют характер констатации отдельных фактов. Подробнее вопрос о древнерусской ритмической прозе рассматривается В. Стеллецким при изучении ритмического строя «Слова о полку Игореве». В отличие от своих предшественников, которые пробовали объяснить ритмическую природу «Слова» с помощью стихотворных размеров — амфибрахийев, трохеев, дактило-хореического гекзаметра, но так и не смогли раскрыть тайну его ритмичности, В. Стеллецкий начал изучение ритмики «Слова» на новых основаниях, а именно с точки зрения поэтического синтаксиса. Он выделяет ритмико-синтаксические единицы на основе критериев смысловой и интонационной завершенности отрезков речи и синтаксического параллелизма и делает вывод, что ритмико-синтаксические единицы в «Слове» образуют речь особого рода — ритмическую прозу. ¹² Подобный подход к изучению структуры древнерусских произведений наметился уже в статье И. П. Еремина об ораторском искусстве Кирилла Туровского, где описываются некоторые ритмообразующие принципы сочленения синтаксических конструкций в «словах» этого ратора. ¹³

Согласно другой точке зрения, выраженной в настоящее время в работах К. Тарановского и А. В. Позднеева, ритм древнерусских произведений связывается со стихотворной системой.

А. В. Позднеев находит объяснение гармонизации и ритмической организации памятников духовной и светской литературы XI—XVII вв. в том числе таких как «Слово о полку Игореве», «Слово о погибели Русской земли», «Похвала роду рязанских князей» в существовании особой, так называемой кондакарной системы стихосложения, для которой характерны, по мнению автора, следующие черты: «а) отсутствие рифмы, б) разное число слогов в стихе, хотя и ограниченное известным пределом — с 5 до 15 (16), и в) разное число ударений, хотя и имеющее известный диапазон — от 2 до 5 (6). Полагаем, — продолжает автор, — что определенное число слогов и ударений в стихе зависит от того, какой объем стихотворной фразы может быть воспроизведен одним дыханием». ¹⁴ Остается неясным, чем же все-таки определен кондакарный стих как таковой, если все конструктивные признаки — ударения, силлабика, рифмы — не имеют в нем упорядоченного характера и оказываются различными («разное число слогов в стихе», «разное число ударений») или же выступают в качестве «минус-признаков», негативных признаков

¹¹ См. ответ А. Н. Робинсона на вопрос «Какие возникают задачи дальнейшего изучения „Слова о полку Игореве“» в кн.: Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958 (IV Международный съезд славистов), стр. 44.

¹² В. Стеллецкий. К вопросу о ритмическом строе «Слова о полку Игореве». — РЛ, 1964, № 4, стр. 27—40.

¹³ И. П. Еремин. Ораторское искусство Кирилла Туровского. — В кн.: И. П. Еремин. Литература древней Руси. Л., 1968, стр. 132—143.

¹⁴ А. В. Позднеев. Стихосложение древней русской поэзии. — Scando-Slavica, t. XI, Copenhagen—Munksgaard, 1965, p. 15.